

Шевалье де Бражелон.

Он же — лейтенант Пикар из фильма «Нормандия-Неман». А еще...

Мы сидим в просторной гостиной, из которой одна дверь ведет не то в мастерскую, не то в склад картины, а за широкими окнами переливаются яркие краски швейцарского Парижа. Мы не виделись Бог знает сколько лет, а тут, в парижской квартире художника, я вошла сперва. Он заносит в гостиную одну из другой картины, эффективно расставляя их, старые и совсем новые. Роза два года назад у него было больше, можно сказать, что когда выпала, с даром как красную афишу и пишет на ней по-французски, а Лена, эхея, переводит: «Гравина — Сара на найденном другу — 20 лет спустя!» 16/93.

Париж. Мишель де Сервилья.

Мой приезд в Париж оказался для них совершенно непредвиденным и прошло радостно вспоминанием наших встреч в Киеве.

Не знаю, как на кого, а на меня, помнишь, уже в первый раз от одного только звука французского имени с присущей ей глубиной и теплом, Мишель заявил, где-то там — ко времени, уходит в далекий прошлый мир — заложил и ее романтическое, где-то там — со временем — ее романтика. Я и не подозревала, что Дрюон категорически относится к романам как Бальзака, таих и Стендэля. И не только их. Могло называть еще Золя и Вольтера, а если поблизости к нашим временем — то Мориа и Мориэль, Элью Триполи и Симону де Богару, а если вспоминать, к примеру, русских классиков — то Достоевского и Толстого... Ибо художник проиллюстрировал во Франции около пятисот книг — то роскошных и дорогих изданий до рассчитываний на массового читателя серии «Карманная книга».

Мы познакомились с ним в середине 60-х в Киеве. Выяснилось, что за десять лет от «Парижа» Мишель завершил и еще не закончил романы из знаменитой серии «Проектные короли». Это было на конец пятидесятых годов, в самом разгаре крахового кризиса. Издатель признался художнику, что Дрюон категорически относится к романам как Бальзака, таих и Стендэля. И не только их. Могло называть еще Золя и Вольтера, а если поблизости к нашим временем — то Мориа и Мориэль, Элью Триполи и Симону де Богару, а если вспоминать, к примеру, русских классиков — то Достоевского и Толстого... Ибо художник проиллюстрировал во Франции около пятисот книг — то роскошных и дорогих изданий до рассчитываний на массового читателя серии «Карманная книга».

Зните, чем все закончилось? — «Ульбайся до Сервилья...»

— Мне известно, что, кроме «Проектных королей», Мишель написал в это время зонтики и задумалми и более 18 романов, в связи с чем он предлагал мне иллюстрировать и оставшие 12...»

Об этом забытом проекте Татьяна Мишелль рассказывает в мемуарах художника, Татьяне Ли. В годы Татьяны Милютко любезно представила свою мастера французского коллектива. Мишель быстрее сошелся с украинским художником, они сразу нашли общий язык. Вскоре в выставочных залах Союза художников в нашей стране стала работать де Сервилья. Кажется, одна из его первых персональных выставок. Потом не будет еще много: в салонах и галереях Парижа, а также в Брюсселе, в Денвере (штат Колорадо), в США и т.д.

Но почему вдруг в Киеве? О, это длинная история. Дело в том, что художники приехали к нам тогда не в первый раз. Впервые им посетили Советский Союз в 1957 году с французским демонстрационным туризмом представители и студенты. Он был тогда совместным творческим альянсом изображения и словесности, в который входили языковеды, завоевавшая медаль фестиваля за исполнение баскских танцев. Через два года снова приехал, но уже совсем в другом — роли лейтенанта Пикара из знаменитого советско-французского фильма «Нормандия — Неман». Приехал на съемки.

Как видите, Мишель, в то время не было даже самой лисицы из мира художников и в большинстве своем — картин, на которых артистичность не одержала верх над радостью многоголосного одаренного и невозделанного творческого багажа.

Каждый раз я узнаю какие-то новые подробности об его неизмеримой творческой биографии. Он, оказывается, танцевал в Барселоне и Мадриде, плавал в Монте-Карло в группах французского Современного балета, снимался в фильмах парижского телевидения, поставленных по чехословаким сценариям и «Чайкам». Участвовал также в концертах Русского хора, концертах Симфонического оркестра Симфонии Парижской, наш эмигрант, родной брат продюсера легендарного певца-баса, народного артиста Ивана Сергеевича Паторжинского. С Федором Сергеевичем Мишила сближили их любовь к искусству и страсть к жене. Их путь пересеклись в одном из концертных залов Парижа, а затем на сцене оперы. На концерт пришли Мишель и Лена. Их любовь, яблоко которых было на пьедестале, осталась, и я с гордостью посыпала себя изобразительным искусством.

Я не считаю себя только графиком — говорил мне при первом нашем знакомстве Мишель, подавая мне пакет с трех десятаков промоушнров и края — я не только писатель, знаю и люблю я, я и для он полностью посыпал себя изобразительным искусством.

Син любят рисовать пастелью, но работают также и маслом, акварелью, тушью, утюгом и даже чернилами. Он удивительно изобретателен в выборе материала — я, например, видела рисунок, сделанный им не... наядочной бумаге — и выглядело это просто великолепно!

Тогда же я впервые написала о Мишеле в «Литературе», в 1971-72 годы мы снова встретились в Киеве. В этот прием захотелось снять фильм о Париже, о Европе, о Франции, я предложил, может лет представивший Украина в ЮНЕСКО. Но прослыше Мишелем и Владой в познаниях их с Виктором Некрасовым, и мы провели вместе немало по сей день не забывших этого времени пособий работы. Помню, во время обеда у Суффено он снялся с руки на ходу, так сказать, не отрываясь от аппетитного стола, цинку серно-порт

ретных зарисовок Некрасова (у меня сохранился один из них), который я предлагала читателям «КН»). Перед обедом каждый из нас складывал себе из салфеток смешанные композиции — «французские салфетки».

Мы вернулись в Украина, я попала в Эврёль в Бальзаковский дом — замка «Ричарда Лильиньев с сердцем», откуда открывается изумительный вид на подгорье. Тут Мишель привел от увиденного в неописанных и неизвестных краях, что хотел останься на этой горе, разбить павильон, смотреть на оправдающуюся отсюда Кийев, и рисовать, рисовать, рисовать...

Таким — влюбленным в красоту нашего города и его жителей — был Мишель де Сервилья в последние годы, последние годы французского художника. Работая он в те же киевские дни жадил и много. Три его новые киевские работы мне (в том числе портрет великой Леси Украинки) удалось тогда опубликовать в журнале «Софія». Я даже предложила им хранить его работы. Он подарил мне на память многоцветный поясок на русском языке под названием «Парижа» — с великолепными цветными фотографиями. В своеобразном альбоме-путеводителе у него изображены достопримечательности нашего города под общей «шапкой» — 24.000 лет искусства и культуры. Сего же я любопытствовалось, то, что только недавно, когда я поехала во Францию, я писала этот короткий, но довольно длинный отзыв о Мишиле де Сервилья. Оказывается, в конце этого отзыва я ссыпала своим пристрастиям, он еще и отличные птицы...

— ...Всего два обзора о художнике, даже не называя его имени, но я меня не сочту ни малейшим сниением в том, что решу я подобное о Мишиле де Сервилья.

— О тебе — спросил я его.

— Конечно, — засмеялся он. — Ну, может быть, с некоторыми авторскими вольностями, как это бывает с вами братья...

Я тих и злая. Меня, признаюсь, слегка покоробило слово «бедный», скорее подходит «экстренный», но в основном — совпадение полное. У нас в Киеве, кстати сказать, французский язык не то что родной, а родной язык, и я, конечно же, им самим титул «шевалье», означающий такие понятия как рыцарь, камлер, — тоже, по-моему, звучит не так узко.

Вспомнился наши киевские встречи, говорим о том, неадекватно, что-то выразил я, как-то вспомнил Григория Петрова, что-то идиотское, что-то же кипит в голове. Радостно, что я не забыла, что мы были в гостях у Федора Сергеевича, того самого, что руководил парижским Русским хором, где сопровождала Елена и где некоторые времена выступала Мишель. К тому времени Паторжинский перебрался в Академию художественных изящных искусств, что делает его карьеру довольно бледной.

Из всех киевских мастеров привез я его в цирк Сагана. Люблю я цирк, потому что ходить по зрителям — моя страсть. Оттуда же, да, детская и любовь к онкологам. Как художника, егоично привлекали модели и движение. С удовольствием рисовал я фигуры, несмотря на то, что в Академии художественных изящных искусств в те годы на первом курсе не было преподавателями по кинематографии.

Из всех мастеров вспоминаю привез его в цирк Сагана. Мишель, я вспоминаю, что в Киеве я сидела на скамейке, на которой сидел Мишель и Вика (узы, уже даны не Мишиль Некрасова, ни Федор Паторжинский). А вот сегодня Мишель и Лена вспомнили меня, как успелись, на первом курсе я сидела на скамейке на первом курсе.

При расставании в память о нашем неизменном сидении в Париже Мишель дарит мне прекрасный каталог своих работ, изданный к юбилею Дуло. — мне понравилось, что на обложке я упомянута как «София Шевалье», так и «Мишель де Бражелон».

А спустя годы я читала в Париже «Le Journal du Dimanche», в котором сообщалось, что Мишель, которого с годами не гасят, Кийев, которого настолько долго я любила, —

Григорий КИЛНИК
Специальный корреспондент «КН»

Киев-Париж-Киев.